

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-52-62>

Специфика введения прямой речи в романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: сопоставительный анализ

Анастасия Викторовна Уржа¹, Цяо Ван²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

¹ *aourja@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>*

² *qiaoaqiao1990511@163.com, <https://orcid.org/0009-0002-1917-8063>*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого стал сопоставительный анализ семантики, прагматики, стилистических особенностей и частотности языковых средств (глаголов, существительных, а также глагольно-именных сочетаний), вводящих прямую речь в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Материалом для сравнительного изучения стали романы «Преступление и наказание» и «Анна Каренина». Выявленные особенности устройства речевой рамки в романах дополняют характеристики писательской манеры авторов, отмеченные в классических и современных научных трудах и значимые для анализа и перевода этих текстов. Применение средств количественной интерпретации материала в соединении с традиционным лингвистическим его изучением дало возможность выявить, описать и сопоставить полный репертуар средств введения прямой речи в романах, а также охарактеризовать их роль в формировании образов героев. В основу анализа положена функционально-семантическая классификация слов, вводящих прямую речь, включающая не только семантические основания (обозначение звучащей речи, невысказанной мысли, иллюзии, жеста и др.), но и функционально-прагматические характеристики (передача отношения говорящего к ситуации и/или отношения наблюдателя-слушателя к говорящему), участвующие в формировании перспективы текста. Анализ показал, что рамка прямой речи в романе «Преступление и наказание» значительно более вариативна из-за своей полифункциональности. У Ф. М. Достоевского слова, вводящие речь, одновременно транслируют эмоциональное состояние героев, а порой и внешнюю оценку их речевой манеры. В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой функционально разделяет рамку прямой речи и номинацию эмоций, жестов, мимики героев. Именно поэтому пара глаголов *сказать/говорить* вводит более половины реплик персонажей. Чувства героев выражены в сопутствующих элементах конструкции или в отдельных фразах, помещенных между репликами с эмоционально нейтральными рамками. В итоге роль средств, вводящих речь, в формировании поэтики и ключевых образов двух классических русских романов различается.

Ключевые слова: рамка прямой речи, операторы ввода прямой речи, эмотивная плотность, диалог, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, сопоставительный анализ

Источник финансирования. А. В. Уржа выполнила исследование при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Для цитирования: Уржа А. В., Ван Ц. Специфика введения прямой речи в романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: сопоставительный анализ // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 2. С. 52–62. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-52-62>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Distinctive features of direct speech introduction in F. M. Dostoevsky's and L. N. Tolstoy's novels: a comparative analysis

Anastasia V. Urzha¹, Qiao Wang²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹ *aourja@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>*

² *qiaoaqiao1990511@163.com, <https://orcid.org/0009-0002-1917-8063>*

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the semantics, pragmatics, stylistic specific features, as well as the frequency of linguistic means (verbs, nouns, and verb-noun combinations) introducing direct speech in the works by F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy. The comparative research material included two novels, namely "Crime and Punishment" and "Anna Karenina". The identified features of the speech frame structure in the novels complement the characteristics of the authors' writing style noted in classical and modern studies and deemed significant for the analysis and translation of these texts. Using quantitative interpretation tools in conjunction with the traditional linguo-stylistic examination of the material, we identified, described, and compared the full repertoire of means employed to introduce direct speech in the novels. Moreover, this analysis enabled us to characterise the role of such means in the formation of the characters' images. The analysis is based on the functional semantic classification of words introducing direct speech. This classification includes not only a semantic basis (denotation of spoken speech, unspoken thought, illocution, gesture, and others), but also functional-pragmatic characteristics such as conveying the speaker's attitude to the situation and/or the observer/listener's attitude to the speaker. These characteristics participate in the text perspective formation. The analysis shows that the direct speech frame in "Crime and Punishment" is much more variable due to its multifunctionality. In F. M. Dostoevsky's writings, words introducing speech simultaneously convey the characters' emotional state. Also, such lexemes sometimes reveal an external evaluation of their speech manner. In "Anna Karenina", L. N. Tolstoy functionally separates the frame of direct speech and the denotation of the characters' emotions, gestures, and facial expressions. That is why the pair of verbs *skazat' / govorit'* (English *to say / to tell / to speak*) introduces more than half of the characters' remarks. Their feelings are expressed in accompanying structure elements or in separate phrases placed between remarks with emotionally neutral frames. As a result, the role of speech-introducing means in the formation of the poetics and key images of the two classic Russian novels differs.

Keywords: direct speech frame, direct speech input operators, emotive density, dialogue, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, comparative analysis

Funding source. A. V. Urzha conducted the study with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF), grant No. 23-18-00260, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>

For citation: Urzha A. V., Wang Q. Distinctive features of direct speech introduction in F. M. Dostoevsky's and L. N. Tolstoy's novels: a comparative analysis. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2025;86(2):52–62. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-52-62>.

Введение. Сохраняя опору на научную традицию, изучение способов введения прямой речи в художественный текст в наши дни связано с решением целого ряда актуальных задач. Применение новых методов количественного исследования лингвистического материала позволяет выявлять тенденции в функционировании рамки диалога и монолога в текстах разных эпох и жанров, проверять намеченные ранее закономерности в этой области, определять роль слов, обрамляющих реплики, в формировании образов героев и авторской манеры повествования [Дюзенли 2023; Филатова 2023].

При этом традиционные классификации языковых средств, способных вводить прямую речь [Кодухов 1957; Милых 1958 и др.]¹, нуждаются в доработке и расширении, поскольку выделенные семантические классы образуют пересечения (см. об этом: [Бессонова 2011: 34]), а фокус

таксономии обычно ограничен глаголами [Андреева 2015], тогда как современный состав не только глаголов, но и существительных, глагольно-именных сочетаний, идиом с этой функцией постоянно пополняется [Уржа, Ван 2024].

Особого внимания заслуживает вопрос о возможностях варьирования рамки прямой речи в тексте, возникающий при сопоставлении языков и литературных повествовательных традиций разных стран. Эту тему активно обсуждают лингвисты, исследователи стилистики и переводоведы: «...для сопровождения реплик персонажей в диалогах английская дискурсивная норма отдает явное предпочтение глаголу *to say*... Известно, что русский художественно-литературный дискурс предполагает значительную вариативность в употреблении глаголов речи» [Гарбовский 2011: 16].

Действительно, принято считать, что повествование на русском языке стремится избегать монотонности, и тем более тавтологии, в оформлении рамки прямой речи. По воспоминаниям Иржи Левого, Максим Горький критиковал русских авторов и переводчиков, ограничивающихся

¹ См. также: Уманцева Л. В. Лексико-грамматические свойства глаголов и глагольных словосочетаний, вводящих прямую речь: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов на/Д, 1980. 27 с.

при введении реплик словом *сказал*: «Ведь у этого словечка на русском языке существует целый ряд синонимов: *сказал, заметил, отозвался, откликнулся, повторил, молвил, добавил, воскликнул, заявил, дополнил и т. д.*» [Левый 1974: 161–162]. Говоря о широко распространенном варьировании речевой рамки в русских текстах, исследователи и критики перевода ссылаются на отечественную литературную традицию, на образцы классической литературы. Однако следует признать, что в этом отношении русские классические произведения недостаточно изучены, ведь для формулировки точных заключений необходимо выявление всех контекстов с прямой речью, их количественная обработка и подробный лингвостилистический анализ.

Романы «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого с уверенностью можно назвать одними из самых изученных художественных текстов в отечественной филологии, однако репертуар средств, вводящих в них прямую речь, частотность этих средств, их семантика, прагматика и стиль пока не были охарактеризованы. Решение подобных задач позволяет выявить приемы, с помощью которых каждый из авторов встраивает диалоги, монологи и размышления героев в нарратив, формирует перспективу текста. Результаты исследования могут обосновать или дополнить традиционные (М. М. Бахтин, С. Г. Бочаров, Э. Г. Бабаев, Л. Я. Гинзбург и др.) и современные [Katsma 2014; Романов 2020; Ружицкий 2021 и др.]² характеристики романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Анализируя частотность слов с той или иной семантикой в рамке прямой речи, мы можем увидеть их роль в формировании образов героев романов.

Итак, **цель** данной статьи — представление результатов сопоставительного анализа семантики, прагматики, стилистических особенностей и частотности языковых средств, вводящих прямую речь,

в упомянутых романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Методы и материалы исследования. В качестве материала для анализа были выбраны электронные тексты романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»³ и Л. Н. Толстого «Анна Каренина»⁴, данные словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка⁵. В работе использованы методы сплошной выборки, количественного и лингвистического анализа лексем, вводящих прямую речь, с учетом ближайшего и расширенного контекста.

Анализ. 1. Принципы классификации, положенной в основу исследования. Научная традиция, на которой основываются современные исследования языковых средств, вводящих прямую речь, сформирована в середине и во второй половине XX в. В них предложены классификации таких средств, значительное количество работ посвящено характеристикам глаголов речи и мысли, способных вводить звучащие и внутренние реплики в текст (см. труды Л. М. Васильева, З. В. Ничман, Л. Г. Бабенко, И. М. Кобозевой, Ю. А. Бессоновой, И. А. Ермолаевой и др.).

Смысловое деление проводится подробно, наряду с глаголами с общей семантикой говорения выделены глаголы, обозначающие силу звучания, высоту тона и тембр звука, темп речи, ее четкость и т. д. Описаны вводящие прямую речь глаголы, называющие типы речевых актов и виды речевой деятельности, обозначающие жестовые и мимические движения, эмоциональные состояния и их проявления, когнитивные действия. Однако уже в первых таксономиях возникла проблема пересечения семантических классов: один и тот же глагол (например, *процедить* или *заголосить*) мог попасть в несколько смысловых групп одновременно, поскольку он характеризует не только способ произнесения

³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание [Электронный ресурс]. URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Толстой Л. Н. Анна Каренина [Электронный вариант]. URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2024) (НКРЯ).

² Захарова О. А. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа ратора (На материале произведений Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2006. 163 с.

(в отношении темпа или высоты звука), но и проявление чувства [Милых 1958: 66–69]. Для существительных, способных вводить прямую речь самостоятельно или в сочетании с глаголами, классы не выделялись, в основном они рассматривались как корреляты к однокоренным глаголам (*ответ — отвечать, рассказ — рассказать*).

В данном исследовании применена доработанная классификация языковых средств введения прямой речи, в нее включены глаголы, существительные, глагольно-именные сочетания, а также идиомы [Уржа, Ван 2024]. Для того чтобы избежать пересечения семантических классов, было выбрано крупное их деление при сопоставлении единиц, служащих для обозначения речи, мысли, эмоции, жестов и мимики, иллюкуции.

Кроме этого, мы использовали дополнительный — функционально-прагматический уровень классификации, чтобы установить, какой из субъектов модуса проявлен в рамке речи: узнаем мы из нее об эмоциональном состоянии говорящего и его отношении к ситуации (*вскрикнул, прошител* и т. п.), или об отношении повествователя (наблюдателя) к говорящему (*брякнул, вякнул, разглагольствовал* и т. п.), или о том и другом сразу (*наябедничал, ныл, хвастался*). Этот ракурс позволяет оценить роль речевой рамки в трансляции точки зрения и формировании перспективы текста. Прагматика речевой рамки тесно связана с коннотациями и стилистическими характеристиками входящих в нее слов.

Таким образом, исследуя средства, вводящие прямую речь в романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, мы учитывали их семантические и функциональные характеристики. Представляя результаты анализа, мы обратимся в первую очередь к глаголам как к основному средству введения прямой речи в обоих романах.

2. Частотность глаголов, вводящих прямую речь в романах: сопоставительный анализ. Полный репертуар глаголов, вводящих прямую речь в романе «Преступление и наказание», составляет 183 единицы на 1776 реплик (произнесенных и мысленных), тогда как в «Анне Карениной» использовано всего 118 глаголов, обрамляющих 3934 реплики. Уже это соотношение предвительно указывает на большее разнообразие и более активное варьирование

рамки прямой речи у Ф. М. Достоевского. Поскольку все слова в статье представить невозможно, мы выберем несколько ракурсов их описания: рассмотрим наиболее частотные глаголы в двух романах, охарактеризуем семантическое и стилистическое разнообразие каждого репертуара, а затем выявим особенности функционирования рамки прямой речи в текстах.

Мы подсчитали процент употреблений каждого глагола от общего количества всех словоупотреблений в каждом из романов соответственно. Такие количественные данные позволяют сопоставить частоту употреблений глаголов в рамке прямой речи не в абсолютных величинах (они не могут быть адекватно интерпретированы в текстах разного объема), а в величинах относительных (в процентном соотношении). Абсолютное количество употреблений каждого глагола приведено в таблице в качестве вспомогательной информации. Общее количество словоупотреблений (с/у) всех слов в романе «Преступление и наказание» составляет 172 829, а в романе «Анна Каренина» — 253 275. В таблицу вошли 15 самых частотных глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ/НСВ) у каждого автора.

В первую очередь, в таблице заметно различие в частотности употребления пары глаголов *сказать/говорить* в рамке прямой речи. В «Анне Карениной» эти глаголы чаще, чем в 8 раз, вводят реплики персонажей по сравнению с романом «Преступление и наказание», и это осязаемое расхождение характеристик писательской манеры, проявленной авторами в данных произведениях. У Л. Н. Толстого глаголы *сказать/говорить* вводят более половины (57 %) всех контекстов с прямой речью. Кроме того, в диалогической рамке его романа чаще используется пара *ответить/отвечать*. Слова *спросить/спрашивать, проговорить, прибавить/прибавлять, продолжить, повторить/повторять* в этой позиции одинаково распространены в обоих текстах. У Ф. М. Достоевского частотно также слово *заметить*.

Важное различие наблюдается в употреблении пары глаголов *крикнуть/кричать* (у Ф. М. Достоевского они вводят прямую речь в 4 раза чаще), а также в использовании глаголов, указывающих на проявление эмоционального состояния говорящего: *вскрикнуть/вскрикивать*,

Таблица

Наиболее частотные глаголы в рамке прямой речи в романе Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание» и в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Table

The most frequent verbs in the direct speech frame in "Crime and Punishment"
by F. M. Dostoevsky and "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy

Частотность глаголов, вводящих прямую речь в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»				Частотность глаголов, вводящих прямую речь в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»		
№	Глагол	% (от всех с/у)	Абс. кол-во (СВ/НСВ)	Глагол	% (от всех с/у)	Абс. кол-во (СВ/НСВ)
1	сказать/говорить	0,101835	176 (147/29)	сказать/говорить	0,881650	2 233 (1 987/246)
2	спросить/спрашивать	0,071747	124 (117/7)	ответить/отвечать	0,103840	263 (25/238)
3	крикнуть/кричать	0,070590	122 (79/43)	подумать/думать	0,096338	244 (128/116)
4	проговорить	0,062490	108 (108/0)	спросить/спрашивать	0,082914	210 (193/17)
5	ответить/отвечать	0,060754	105 (44/61)	прибавить/прибавлять	0,045405	115 (112/3)
6	подумать/думать	0,058439	101 (69/32)	проговорить	0,040667	103 (103/0)
7	вскричать	0,052075	90 (90/0)	продолжать	0,038693	98 (0/98)
8	прибавить/прибавлять	0,047446	82 (81/1)	обратиться/обращаться (к)	0,037114	94 (90/4)
9	продолжать	0,045710	79 (0/79)	повторить/повторять	0,025269	64 (53/11)
10	пробормотать/бормотать	0,039345	68 (40/28)	вскрикнуть	0,018557	47 (47/0)
11	начать	0,032981	57 (57/0)	крикнуть/кричать	0,018557	47 (34/13)
12	вскрикнуть/вскрикивать	0,025459	44 (42/2)	начать/начинать	0,017767	45 (44/1)
13	заметить	0,024880	43 (43/0)	заговорить	0,015793	40 (40/0)
14	повторить/повторять	0,020251	35 (17/18)	перебить	0,015003	38 (38/0)
15	прошептать	0,019094	33 (33/0)	закричать	0,009081	23 (23/0)

пробормотать/бормотать, *прошептать*, *закричать*, *подхватить*. Все они чаще вводят фразы героев в «Преступлении и наказании», а глагол *вскричать* вообще не обрамляет реплик у Л. Н. Толстого. В то же время в «Анне Карениной» более распространены в рамке фраз слова *обратиться/обращаться*, *подтвердить/подтверждать*, *выговорить/выговаривать* и *вспомнить/вспоминать*, а из слов с эмоциональной

квалификацией — глагол *прокричать*⁶.

Совершенный вид очевидно превалирует над несовершенным в рамке диалогов и монологов, однако существует масса нюансов, связанных с употреблением

⁶ Глагол *прокричать* является 17-м по частотности в романе «Анна Каренина», глаголы *подтвердить*, *выговорить* и *вспомнить* занимают соответственно 18, 19 и 21 по частотности места.

конкретных глаголов: у обоих авторов *отвечать* чаще вводит речь, чем *ответить*, при этом у Ф. М. Достоевского НСВ встречается в полтора раза чаще, а у Толстого — в девять с половиной (!) раз чаще, чем СВ. Ряд глаголов привлекается только с одной аспектуальной характеристикой (например, *перебить*, *заметить*, *продолжать*). В отличие от Л. Н. Толстого в «Анне Карениной», Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании» активно использует глаголы в речевой рамке в форме *praesens historicum*. Это происходит при цитировании одним персонажем реплик другого — высказывания приобретают разговорную окраску.

Проведенные подсчеты по конкретным романам двух авторов и полученные результаты не могут быть экстраполированы на все творчество писателей, однако исследования частотности отдельных глаголов, которые были осуществлены М. В. Дюзенли в ряде романов (*заметить/замечать* у Достоевского и *ответить/отвечать* у Толстого [Дюзенли 2023: 202–203]), полностью совпадают с нашими данными. Это позволяет предположить, что и другие охарактеризованные нами особенности введения реплик типичны для Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Дальнейшие исследования могут проверить и уточнить эту гипотезу.

Итак, изучение частотности глаголов, вводящих прямую речь в двух романах, дает возможность выявить более активное варьирование диалогической и монологической рамки у Ф. М. Достоевского. В его романе мы видим значительно более интенсивное, чем у Л. Н. Толстого, включение в рамку речи глаголов, транслирующих эмоциональное состояние героев. Для того чтобы пояснить и расширить эти предварительные наблюдения, рассмотрим характеристики наборов средств, обрамляющих речь в двух текстах.

3. Специфика репертуаров языковых средств, вводящих прямую речь, в двух романах. Репертуар слов и сочетаний, вводящих прямую речь в романе «Преступление и наказание», чрезвычайно разнообразен как в семантическом, так и в стилистическом плане. Среди глаголов речи значительное количество указывает на звуковое проявление эмоции, это не только

слова *крикнуть*, *вскричать*, *закричать*, *прокричать*, *вскрикнуть* и *воскликнуть*, но и *взвизгнуть*, *зареветь*, *прореветь*, *завопить*, *причитать* и даже *возопить*. Среди существительных, вводящих речь, обнаруживаем *крик*, *вопл*, *восклицанье*, а также слово *голос* в сочетаниях с теми же глаголами (*крикнул голос*, *выл голос*). Эмоциональную окраску передают в контекстах романа и глаголы *пролепетать*, *промямлить*, *процедить*, *протянуть* и т. д. Слова *вырваться*, *сорваться* указывают на неожиданность реплики для самого говорящего, а глаголы *брякнуть*, *сыпать*, *наброситься*, *вцепиться* демонстрируют еще и внешнюю оценку речевого действия наблюдателем: они возникают, например, когда Раскольников слышит фразы Насти, речь Порфирия Петровича или крики Катерины Ивановны. Очень часто речь героев вводится с помощью обозначения самого чувства (*встрепенуться*, *вспокоиться*, *горячиться*, *обижаться* и т. п.) или его физического проявления (*засуетиться*, *метаться*, *дрожать*, *вспыхнуть* и т. д.). Целая палитра обозначений смеха (с разными оттенками отрицательных эмоций [Ружицкий 2021: 483]) вводит прямую речь в романе: от *захихикать* до *закудахтать* и *залиться*. Множество жестов и мимических движений также включено в непосредственную рамку речи («*Убивать? Убивать-то право имеете?*» — *всплеснула руками* Соня. Или: «*Фу! перемешал!*» — *хлопнул себя по лбу* Порфирий). Реплики обрамляет большой набор обозначений речевых актов (*упрашивать*, *отпаривать*, *вступиться*, *унимать* и др.). Различные глаголы и существительные вводят внутренние монологи и фразы, указывая на мыслительную деятельность героев: *думать*, *догадаться*, *вспомнить*, *мысль*, *вопрос*, *решение* и т. д.

Стилистические характеристики слов и выражений, вводящих речь у Достоевского, также разнообразны, от архаичных номинаций (*возопить*) до сниженных, просторечных выражений (*промямлить*, *брякнуть*), от поэтических метафор (*встрепенуться*) до разговорных идиом (*навести уши*). Детальное изучение репертуара подтверждает результаты подсчетов: рамка диалогов и монологов постоянно варьируется, демонстрируя колоритное разнообразие.

В «Анне Карениной» набор слов, обрамляющих реплики, тоже значителен, но не

так разнообразен. Некоторое варьирование наблюдается среди глаголов, указывающих на особенности звучания фразы: *грассировать, пробасить, прохрипеть*. На эмоциональное произнесение реплики указывают слова *протянуть, замычать, зашикать, рявкнуть, покрикивать*, но они употребляются однократно. Автор использует много разных номинаций речевых актов (*оправдываться, извиняться, пошутить, развлечь, декламировать, поправить*), но крайне мало обозначений эмоциональных состояний (*оскорбиться, кипеть*) или жестов (*вздыхнуть, зевать*). Существительные в рамке речи также нейтральны: *слова, фраза, речь, вопрос*.

Детальное описание чувств персонажей у Толстого обычно отделено от непосредственной рамки реплики. Так, например, глагол *испугаться* в совокупности своих грамматических форм используется в романе 46 раз, однако он никогда не вводит фразы героев. Он появляется в сочетании с глаголами *сказал* или *спросил* в виде однородного сказуемого, деепричастия:

«Очень, очень верю. Как я чувствую, мы бы дружны были с ним», — сказала она и испугалась за то, что сказала, оглянувшись на мужа, и слезы выступили ей на глаза.

То же и с проявлением эмоций:

«Что ж, побранили новые порядки?» — с улыбкой сказал Свяжский.

Стилистическая палитра глаголов и сочетаний, вводящих речь в романе «Анна Каренина», представляется более сдержанной. Мы встречаем однократно употребленные книжные глаголы *провозгласить* и *присовокупить*, ряд лексем с разговорной окраской (см. выше), но большая часть слов в рамке речи стилистически нейтральна. Однако изредка в обрамлении фраз встречаются тропы:

«О еже ниспослается им любве совершенней, мирней и помощи, господу помолимся», — как бы дышала вся церковь голосом протодьякона.

4. Функционирование рамки прямой речи у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтин писал: «Стилистическая обработка объектного слова, то есть слова героя, подчиняется как

высшей и последней инстанции стилистическим заданиям авторского контекста, объектным моментом которого оно является. Отсюда возникает ряд стилистических проблем, связанных с введением и органическим включением прямой речи героя в авторский контекст» [Бахтин 2002: 210]. Таким контекстом для романов Ф. М. Достоевского, с точки зрения учебного, является диалог: «Изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно, лишь изображая общение его с другим» [Там же]. О введении речи персонажей в романах Л. Н. Толстого М. М. Бахтин пишет следующее: «Мир Толстого монолитно монологичен; слово героя заключено в твердую оправу авторских слов о нем. В оболочке чужого (авторского) слова дано и последнее слово героя; самосознание героя — только момент его твердого образа» [Там же: 66].

Изучение особенностей функционирования рамки прямой речи в «Преступлении и наказании» и «Анне Карениной» позволяет полнее осмыслить приведенные выше высказывания, подтверждая их дополнительными фактами.

Сопоставим фрагменты из двух романов, обращая внимание на то, с помощью каких средств в них транслируется эмоциональное состояние говорящих персонажей. Жирным шрифтом выделим глаголы, непосредственно вводящие прямую речь, а курсивом — описание эмоций, жестов, действий героев, помещенное авторами в расширенный контекст.

«Преступление и наказание»:

— О господи! — **вырвалось** у Сони.

— Амалия Ивановна, надо будет дать знать в полицию, а потому покорнейше прошу вас, пошлите покамест за дворником, — *тихо и даже ласково проговорил* Лужин.

— Гот дер бармгерциге! Я так и зналь, что она вороваль! — **всплеснула руками** Амалия Ивановна.

— Вы так и знали? — **подхватил** Лужин, — стало быть, уже и прежде имели хотя бы некоторые основания так заключать <...>

— Ка-а-к! — **вскрикнула** вдруг, *опомнившись*, Катерина Ивановна и — *точно сорвалась* — *бросилась* к Лужину, — как! Вы ее в покраже обвиняете?

<...> Петр Петрович *рассердился*.

— Удержите эту сумасшедшую! — **закричал** он.

«Анна Каренина»:

— Отчего ж? Ведь это всегдашняя жизнь вас всех, молодых мужчин, — **сказала** она, *насунив брови, и, взявшись за вязанье, которое лежало на столе, стала, не глядя на Вронского, выпрастывать из него крючок.*

— Я уже давно оставил эту жизнь, — **сказал** он, *удивляясь перемене выражения ее лица и стараясь проникнуть его значение.* — И признаюсь, — **сказал** он, *улыбкой выставляя свои плотные белые зубы,* — я в эту неделю как в зеркало смотрелся, глядя на эту жизнь, и мне неприятно было.

Она держала в руках вязанье, но не вязала, а смотрела на него странным, блестящим и недружелюбным взглядом.

<...>

— Как вы гадки, мужчины! Как вы не можете себе представить, что женщина этого не может забыть, — **говорила** она, *горячася все более и более и этим открывая ему причину своего раздражения.*

В обоих романах есть множество сцен, где эмоциональное напряжение нарастает, достигает кульминации и проявляется в диалогах героев. Однако обрамление речи конструируется Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым по-разному.

Анализ показывает, что рамка прямой речи в романе «Преступление и наказание» более вариативна вследствие полифункциональности. У Ф. М. Достоевского слова, вводящие прямую речь, называют чувства героя и особенности звукового проявления этого чувства, обозначают цель высказывания или описывают жест говорящего, а порой и внешнюю оценку его речевой манеры. Эмотивная плотность диалогической рамки оказывается повышенной, а сама рамка не становится монотонной. При этом зачастую речевые действия героя оцениваются субъективно — с помощью выразительной рамки реплики создатель текста позволяет нам посмотреть на говорящего глазами других персонажей, почувствовать их отношение друг к другу.

В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» средства, вводящие прямую речь героев, функционируют иначе. Это объясняет и особенности репертуара таких средств, и их иное частотное распределение. Полученные результаты подтверждают наблюдения Л. Я. Гинзбург: «Для Толстого реплика — это еще сырой материал; только объясняющее авторское сопровождение оформляет ее смысл, часто изменяет этот смысл, переключая реплику в другой,

скрытый контекст. <...> Толстовский диалог протекает при самом высоком напряжении психологического контроля, отдающего отчет читателю в каждом слове персонажа» [Гинзбург 1977: 357].

Действительно, Л. Н. Толстой функционально разделяет рамку прямой речи и трансляцию эмоций героев, их жестов и особенностей произношения. Фразы персонажей вводятся нейтральными глаголами *сказать, говорить*, а эмоции выражены в сопутствующих элементах конструкции, причем некоторые психологические состояния и их проявления настолько сложны, что требуют развернутых характеристик, помещенных между репликами. Комментарии принадлежат всеведущему повествователю, благодаря которому читатели проникают в сознание героев, смотря на них под заданным углом зрения.

Интересно, что, несмотря на расхождение утверждения о морализаторстве Л. Н. Толстого (высказанные, например, в работах Л. Шестова), мы видим, что слов с оценочными семами или коннотациями в рамке реплик у писателя почти нет. Формированию, развитию и проявлению чувства, восприятию реплики, оценке или самооценке героя уделяется отдельное внимание — и для этого есть специальный контекст, взаимодействующий с рамкой прямой речи, но не совпадающий с ней.

5. Роль речевой рамки в формировании образов героев романов. Составление диаграмм с распределением частотных глаголов, вводящих речь героев «Преступления и наказания» и «Анны Карениной», позволило продемонстрировать, как с помощью языковых средств в представлении читателя формируются некоторые устойчивые характеристики персонажей. В большей степени этот прием задействован Ф. М. Достоевским: для каждого героя подобрана своя «палитра» средств речевой рамки. Реплики же героев «Анны Карениной» обрамлены более схожими по составу наборами глаголов, хотя и здесь есть различия, например у Левина и Каренина.

Для наглядности сопоставим диаграммы частотности глаголов, вводящих речь главных героинь двух романов — Сони Мармеладовой и Анны Карениной. Обе женщины эмоциональны, их чувства нередко оказываются в фокусе повествования.

Среди глаголов, вводящих прямую речь Сони (см. рис. 1), наибольшее количество составляет *пошептаться*, его доля 14 %. Интересно, что и гораздо более редкий глагол *леняться* тоже вводит в романе именно речь Сони. Героиня часто испытывает смущение в разговоре с другими людьми не только из-за своего положения, но и из-за мягкости и доброты характера. Ее реплики никогда не сопровождается агрессия, в рамках встречаются глаголы *упрашивать*, *умолять*, *подхватить*. Соня много страдает, одно из частотных слов, вводящих ее речь, — глагол *вскрикнуть* (11 %), используются также глаголы *вскинуться*, *взволноваться*, жесты *всплеснуть руками* и *метаться*, сочетание *дрогнул голос*.

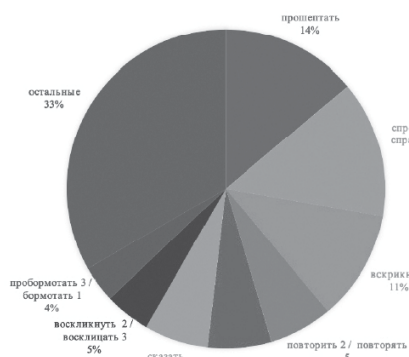

Рис. 1. Глаголы, вводящие прямую речь Сони Мармеладовой
 Fig. 1. Verbs introducing Sonya Marmeladova's direct speech

На первом месте среди глаголов, вводящих прямую речь Анны Карениной (см. рис. 2), — глагол *сказать/говорить* (57 %). Второе место занимает глагол *подумать/думать*, который встречается 51 раз, что составляет 9 %. Это показывает, что внутренняя речь Анны играет очень важную роль для характеристики ее образа, ведь из-за двойственного положения в свете ее души переполняют эмоции, которые она не всегда может высказать вслух. Интересно, что, хотя героиня испытывает разные сильные чувства в романе, глагол *вскрикнуть* составляет лишь 2 % в рамках ее прямой речи, а остальные глаголы, указывающие на проявление эмоций, встречаются еще реже. Автор не позволяет настроению Анны «выплескиваться» непосредственно

в глагольную рамку реплики, разделяет ее высказывание и описание переживаний героини.

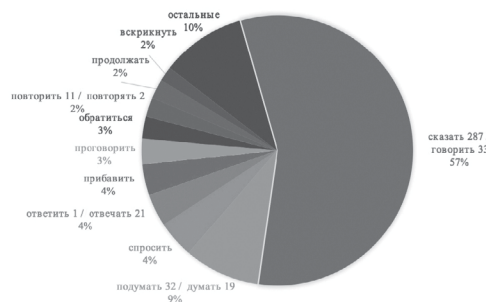

Рис. 2. Глаголы, вводящие прямую речь Анны Карениной
 Fig. 2. Verbs introducing Anna Karenina's direct speech

Выводы. Итак, детальное исследование средств введения прямой речи в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л. Н. Толстого «Анна Каренина» с использованием количественных и лингвостилистических методов позволило описать соответствующий репертуар средств в каждом романе, оценить их частотность, выявить специфику функционирования рамки речи в двух классических произведениях, напрямую связанную с их поэтикой.

Роман «Преступление и наказание» нередко привлекается в качестве иллюстрации феномена полифонии в текстах Ф. М. Достоевского. Результаты исследования показывают, что проявление «голоса» каждого героя в романе тесно связано с непосредственным обрамлением его реплик, произнесенных и внутренних. Эмоции персонажа, его жесты, манера и интенция речи — все это «встраивается» писателем в рамку реплики и воспринимается в совокупности с ней, позволяя создать динамичный образ, отобразить состояние героя в каждый момент его речи. Переключение перспектив в ходе диалога дополнительно драматизирует текст, насыщает его впечатлениями собеседников. Таким образом, рамка прямой речи у Достоевского синкретична и полифункциональна, для каждого из героев романа ее состав специфичен.

В «Анне Карениной» отображение сложного, изменчивого внутреннего состояния говорящих героев требует детализированных,

иерархизированных описаний и не может быть «сконденсировано» в непосредственной рамке реплики. «Диалектика души» в своих неисчислимых нюансах требует особого внимания, обстоятельного анализа — она воплощается не в речевой рамке, но в тесно связанной с ней развернутых конструкциях. Вот почему сама речь вводится преимущественно словами, обозначающими эмоционально нейтральные речевые действия.

Можно сказать, что у Л. Н. Толстого непосредственная рамка реплик персонажей представляет скорее фон диалога и комментариев к нему, описывающих внутреннее состояние героев, тогда как у Ф. М. Достоевского семантическая, эмотивная, стилистическая нагруженность рамки речи выдвигает ее ближе к первому плану текста, делая активным компонентом поэтики романа.

Дальнейший анализ произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других русских классиков позволит расширить представление о функционировании рамки прямой речи, о ее роли в формировании поэтики текстов и писательской манеры, что может вызвать интерес у исследователей русской литературы и у переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е. Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 1. С. 362–373.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(8). С. 33–37.
4. Гарбовский Н. К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2011. № 4. С. 3–19.
5. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 443 с.
6. Дюзенли М. В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 199–210. <http://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.032>.
7. Кодухов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л.: Учпедгиз, 1957. 87 с.

8. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 398 с.

9. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов на/Д: Ростовское кн. изд., 1958. 240 с.

10. Романов Д. А. Художественные новации Л. Н. Толстого в творческом методе романа «Анна Каренина»: изображение героев, нарратив, язык // Материалы научных сессий 2019 года в Государственном музее Л. Н. Толстого. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 50–63.

11. Ружицкий И. В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483–494. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494>.

12. Уржа А. В., Ван Ц. К вопросу о функционально-семантической классификации средств введения прямой речи в текст и о ее применении в исследовании поэтики произведения. Ч. 1 // Новый филологический вестник. 2024. № 2(69). С. 340–349. <http://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-340>.

13. Филатова Г. А. Стилистическая интерпретация глаголов речевого действия при переводе фантастического текста // Новый филологический вестник. 2023. № 4(67). С. 58–69. <http://doi.org/10.54770/20729316-2023-4-47>.

14. Katsma H. Loudness in the Novel // Pamphlet 7. Stanford Literary Lab, 2014. 27 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://litlab.stanford.edu/Literary-LabPamphlet7.pdf> (дата обращения: 16.09.2024).

REFERENCES

1. Andreeva E. G. Contrastive English–Russian analysis of non-speech act verbs introducing the direct speech. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2015;16(1):362–373. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Collected works: in 7 vol. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2002. 800 p. (In Russ.)
3. Bessonova Yu. A. Semantic micro-field of speech verbs in literary language and dialects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2011;(1):33–37. (In Russ.)
4. Garbovsky N. K. Translation and translation discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda = Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2011;(4):3–19. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Ya. On psychological prose. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 443 p. (In Russ.)
6. Dyuzenli M. V. Basic reporting verbs as markers of the author's idiosyncrasy. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki =*

Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities. 2023;25(2):199–210. (In Russ.) <http://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.032>.

7. Kodukhov V. I. Direct and indirect speech in the modern Russian language. Leningrad: Uchpedgiz, 1957. 87 p. (In Russ.)

8. Levy I. The art of translation. Moscow: Progress, 1974. 398 p. (In Russ.)

9. Milykh M. K. Direct speech in artistic prose. Rostov-on-Don: Rostov publishing house, 1958. 240 p. (In Russ.)

10. Romanov D. A. Leo Tolstoy's artistic innovations in the creative method of the novel Anna Karenina: portrayal of characters, narrative, language. *Materialy nauchnykh sessii 2019 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo = Proceedings of the 2019 scientific sessions at the Leo Tolstoy State Museum.* Moscow: RG Press, 2020. P. 50–63. (In Russ.)

11. Ruzhitsky I. V. 'Fear' and 'laughter' in F. M. Dostoevsky. *Neofilologiya = Neophilology.* 2021;7(27):483–494. (In Russ.) <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494>.

12. Urzha A. V., Wang Q. On the subject of functional-semantic classification of means introducing direct speech in a text and its application in the study of the poetics of fiction. Part 1. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin.* 2024;(2):340–349. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-340>.

13. Filatova G. A. Stylistic interpretation of verbs of speech action in the translation of a fantastic narration. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin.* 2023;(4):58–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-4-47>.

14. Katsma H. Loudness in the Novel. Pamphlet 7. Stanford Literary Lab, 2014. 27 p. [Electronic resource]. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLab-Pamphlet7.pdf> (accessed: 16.09.2024). (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Анастасия Викторовна Уржа, доктор филологических наук, профессор

Цяо Ван, аспирант

Anastasia V. Urzha, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Qiao Wang, Graduate Student

ЗАЯВЛЕННЫЙ ВКЛАД АВТОРОВ / THE AUTHORS' DECLARED CONTRIBUTION

Анастасия Викторовна Уржа — концептуализация, подготовка теоретического обзора, разработка классификации, структурирование исследования, редактирование

Цяо Ван — сбор фактического материала, проведение исследования, подготовка таблиц и диаграмм

Anastasia V. Urzha — conceptualization, preparation of a theoretical review, development of a classification, study structuring, editing

Qiao Wang — collection of factual material, realization of research, preparation of tables and charts

Статья поступила в редакцию 29.09.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 29.09.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.